

"Кто угодно! Кто-нибудь!"

В холодной темной камере Хань Чэнке изо всех сил пытался заползти к двери камеры, не заботясь о своих синяках на спине от избиения, которое он получил, когда сопротивлялся.

"Чего ты кричишь? Ты все еще хочешь страдать кожей и плотью!" Появляется начальник тюрьмы.

Хань Чэнке был человеком большого филиального благочестия, всегда думая о своей больной старой матери дома в своей камере, думая о том, что она лежит на больничной койке, не в состоянии заботиться о ней, не в состоянии заботиться о себе, в течение длительного времени, даже если она не умерла от болезни, было неизбежно, что она будет голодать до смерти.

Он знал, что сейчас бесполезно что-либо говорить, он только хотел дождаться скорейшего суда и вернуться домой, поэтому он опустил свою позицию и спросил: "Сэр, интересно, когда мой вопрос будет передан в суд?".

"День открытых дверей"? И очень волнуюсь, подожди, это не тебе и не мне решать". Тюремный глава повернулся к выходу.

Хань Чэнке не имеет конфуцианской гордости в этот момент, kowtowing, как стук чеснока: "Пожалуйста, также Ваше жилье, мой дом Кайфэнфу есть больная мать, если я не могу вернуться в течение трех дней, жизнь матери в опасности, ваша снисходительность ах!".

Глава тюрьмы, где эта власть, естественно, не будет обращать внимания, не заботясь о левом.

Единственное, что Хан Чэнке мог сделать в наши дни, это заплакать и умолять о пощаде.

Младший заключенный с нерешительностью сказал: "Брат Ли, давай проведем еще один инструктаж? Этот парень устраивает сцену уже три дня, я не думаю, что он врёт, в конце концов, на кону жизни людей..."

Тюремный глава хихикал: "Ты, малыш, еще слишком мал, иди сюда, кто не рот этой риторики? Не обращайтесь на него внимания!"

Увидев, что молодой тюремщик все еще плачет, тюремщик продолжил: "Я рассказал начальству об этой ситуации, и что с того, что им на нас наплевать?".

Дело не в том, что он слишком жестокосердный, он пробыл здесь достаточно долго, чтобы видеть больше, и все стало нормально, поэтому естественно, что он не чувствует себя так много.

Прошло еще семь дней, у Хань Чэнке уже не было сил продолжать завывать, слезы тоже высохли, со временем он прислонился к дверям камеры и пробормотал: "Мать ах... мать ах... сын нефилиал ах..."

Тюремный глава, чтобы увидеть не может не хмуриться, общие заключенные проблемы несколько дней не будет двигаться, но теперь через десять дней этот человек все еще преследуют призраки.

И он уже несколько дней не капает в воду, поэтому он боится, что если это будет продолжаться не рядом с открытием, тюрьма, если жизнь, их собственные лидеры будут в беде, чтобы увидеть тюрьму, давайте попробуем еще раз

Прозвучал звук подергивания цепи, и дверь камеры была открыта.

"Хан Чэнке, судья объявил тебя в суд!"

В это время глаза Хань Чэнке были тусклыми и не реагировали, а его рот все время повторялся.

В конце концов под волочением двух надзирателей, Хан Chengke только появился над яменем магистрата, возвращаясь к виду солнца Хан Chengke, казалось, ответили некоторые, но все еще держали повторять что-то.

"Грешный гражданин Хан Ченгке, ты знаешь преступление!"

Магистрат Лай Юэцзин ударил по шокированному дереву и закричал резко, но Хань Чэнке не отреагировал.

"Мать... мать... сын неверен..."

Лай посмотрел на сторону магистрата: "Почему вы арестовали сумасшедшего?"

В первый раз, когда я был в больнице, мне пришлось ехать в больницу к врачу.

Первое, что произошло, это то, что полиция не смогла выяснить причину инцидента.

Ему сказали, что он держатель цитат, а также был знаком с царем Чжоу, Лай Чжисянь был шокирован, он был более знаком со стилем царя Чжоу, и в то время он также хотел пойти на такого рода поэтические встречи, где ученые встречаются, чтобы объяснить, но однажды он был отвергнут, потому что он был обременен официальной системой.

Лай Юэцзин не знал, что его имя частично объясняет причину.

И тогда, глядя на состояние этого Ханя в зале, кажется, не подделка, Лай Чжисян погладил бороду и подал знак магистрату: "Выбираешь трех человек и берешь карету из магистрата, чтобы привезти его в Кайфэн, чтобы узнать, правда ли это, не носи официальной одежды, понял?".

Четверть часа спустя на официальной дороге появилась карета, едущая по направлению к дому Кайфенг.....

Глядя на входную дверь выглядит знакомо, Хан Чэнке, как будто у него было какое-то призвание, его внешний вид вернулся в нормальное русло, дрожа и толкая дверь открыта, кричал с его величайшей силой.

"Мама!"

В комнате было тихо, не было никакой реакции, из глаз Хань Чэнке вырвались слезы, которые пришли в дом при поддержке магистрата.

В середине лета климат был очень жарким, дом наполнился зловонием трупов, Хань Чэнке уставился на уже личинку Лю, его глаза потерялись.

"О, моя мама!" В этом переулке долгое время висел плач Хан Ченке.

Магистрат, который держал нос, понял, что вещи большие, и сказал низким голосом: "Хань ... Г-н Хань, вопрос был подтвержден, ваша личность была определена, то мы вернемся сначала, вы находитесь в трауре".

Подмигнув, четыре человека намеревались уйти ногами, но Хань Чэнке медленно повернул голову, его ярко-красные глаза уставились на несколько человек.

"Возьми мою мать с собой и отправляйся в окружной суд Сян Фу!" Хан Чэнке скрипел зубами и сказал.

Несколько человек смотрели друг на друга, как это может быть, если они действительно делали это, было бы совершенно неуправляемо, и некоторые из них не могли принять решение.

Глава этого магистрата снова вышел вперед: "Господин Хань, как насчет этого, так как старик скончался бессмертно, мы не должны больше беспокоить ее, я вернусь в магистратский суд и попрошу уважаемого лорда округа, трех моих братьев остаться здесь, чтобы помочь вам организовать похороны старика, что вы думаете?".

Хан Чэнке кивнул головой влево и вправо.

"Что мы можем с этим поделать".

В заднем зале ямэнь магистрата Сяньфу, магистрат, Лай Юэцзин, шел по дому, с общим магистратом, городской пешкой, и главой магистрата все в нем, все они молчаливы.

Городская пешка сказала: "Лорд-магистрат, что-то не так в этом деле? Согласно закону, Хан Чэнке должен быть арестован до того, как он направится к нам. Какое отношение смерть его матери имеет к нам? Мы просто следуем правилам".

Лай Юэцзин вздохнул: "В конце концов, жизнь потеряна, а этот Хань Чэнке - карандашный держатель, если мы не успокоим его, боюсь, мы все попадем в беду, так что лучше оставить все как есть".

"Всё зависит от договоренности Чести Округа!"

Лай Юэцзин на минуту скандировал и сказал: "Хорошо, тогда пойдем в резиденцию Кайфэн, пока он не попросит слишком многого, мы постараемся его удовлетворить".

Уже вечером несколько человек снова отправились в город Кайфэн, а семья Хань уже переоделась, во дворе был установлен деревянный гроб, с длинными фонарями, бумажными деньгами и дарами, все готово.

Впервые я увидел человека в деревянном гробу.

"Мама, сын вернулся поздно, сын нефилиал не дал тебе хосписа против клятвы, ты уверен, что убьешь, чтобы заплатить за долг, я поставил тебя искать справедливости, эти бумажные деньги ты их берешь, дитя не смогло дать тебе богатства, там ты не страдаешь сам, не заставляй сына тревожиться."

Как только люди вошли во двор, они услышали слова Хань Чэнке, и городская пешка, хотя и недовольная, не напала, закрыв дверь семье Хань.

Тон Лай Юэцзин был добрым: "Культиватор Хань, спаси свое горе".

Хань Чэнке встал и посмотрел на толпу: "Уверен, ты слышал мои слова, лорд Окружной Чести, убивай, чтобы заплатить за свою жизнь и расплатиться с долгами".

Лай Юэцзин выдохнул: "Культиватор Хань, как насчет этого, я покрою все расходы на похороны старухи, в конце концов, это не может задерживаться надолго, это не хорошо для старухи ах".

"Убийство на всю жизнь! Долг к оплате!" Хан Чэнке все еще настаивал.

Лай Юэцзин нахмурился: "Тогда чего хочет Хань Культиватор?"

Хан Чэнке разбушевался: "Казнить городские пешки, чтобы отомстить за смерть моей матери!"

Городская пешка шагнула вперед и сказала: "Шутка! Мы следуем закону, и вины нет, и вина тоже твоя!"

Лай Юэцзин также потерял терпение. Он сказал: "Я магистрат седьмого класса, родительский чиновник, и я уже отдал лицо вашей семье, придя к вам домой.

Он слегка фыркнул: "Если Хань Культиватор неразумен, то этому округу больше нечего сказать, этих десяти таэлей серебра хватит на все расходы твоей семьи, до свидания!".

Сказав это, Лай Юэцзин позволил хозяину дивизии сбросить десять таэлей серебра и улететь на месте.

Хан Чэнке с ненавистью смотрел на спину ушедших: "Убейте на всю жизнь! Я заставлю тебя заплатить за это!"

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1075163>